

ТОЧКА ЗРЕНИЯ. "Наша культура и есть социализм"

О судьбах советской литературы в 20-е и 30-е годы и ее перспективах наш корреспондент И. СОЛГАНИК беседует с видным исследователем литературы, членом-корреспондентом АН СССР П. НИКОЛАЕВЫМ.

КОРР. Петр Алексеевич, переадресую вам вопрос читателей: принято считать социализм двигателем культуры, но насколько это верно для периодов культа, застоя?

НИКОЛАЕВ. В советской литературе, если иметь в виду глубинные, определяющие тенденции ее развития, социалистические идеалы сохранялись во все годы, так же как они сохранялись во всем обществе; и, наверное, поэтому нам удалось по силам выдержать тяжелейшие испытания. Думаю, что очистительная роль литературы в годы застоя (хотя были и "певцы застоя") также свидетельствует о ее социалистической устремленности.

Есть известное положение Маркса о неравномерности развития социально-экономического и художественного процессов - они прямо не вытекают один из другого, искусство относительно самостоятельно. Поэтому, видимо, искусство и смогло сделать то, что сделало; и в период культа личности Сталина были созданы "Клим Самгин" Горького, "Тихий Дон" Шолохова, а во времена застоя - произведения Дудинцева, Бека и многих других.

Наконец, когда я говорю, что наша культура и есть социализм, я имею в виду социализм в широком смысле слова, то есть все то, что работает на нашу идеологию, а это, в конечном счете, все накопленные духовные богатства, все лучшее, что нами создано.

КОРР. Но тогда получается, что мы относим к социалистическому искусству творчество, скажем, Гумилева, Волошина, Замятина, скептически относившихся к самой идее социализма. Не говорю уже о том, что Гумилев был расстрелян в первые годы Советской власти, Замятин выехал за границу.

НИКОЛАЕВ. Этих писателей, а также творчество Мандельштама, Ахматовой, Пастернака нельзя уложить в ту "социалистическую схему", которая существовала в нашем сознании, декларировалась с трибуны и на страницах прессы. Но при всем том их творчество несет в себе объективно элементы социалистической культуры. Замятинская футурология - роман "Мы", предупреждающий, что некие нерегламентированные формы правления, которые предлагаются системой, впоследствии могут привести к нивелированию личности, - это критика изнутри общества. И пишет Замятин - страдая, горячась, может быть, чрезмерно преувеличивая; но на этом основании исключить его из нашей литературы, нашей культуры, наверное, нельзя.

Приведу другой пример. Г. В. Плеханов, отец русского марксизма и учитель Ленина, в 1917 г. заявил, что он не против революции, которая, вероятно, состоится, но он боится, что эта социалистическая революция, совершившись в обществе, в котором рабочий класс не составляет большинства, приведет к установлению не диктатуры пролетариата, а диктатуры личности, и Россия на долгие годы погрузится в политический мрак, а потом мучительно, десятилетиями, будет выходить из этого мрака. Как расценивать это трагическое пророчество - как нечто такое, что выходит за пределы социалистического учения, или же нет?

Можно говорить о трагизме этого мироощущения, несомненно социалистического. И Ленин понимал, что Плеханов, несмотря на свой пессимизм, остается марксистом, и считал необходимым опубликовать его 24-томное собрание сочинений. При этом Ленину было хорошо известно, что Плеханов поддерживал кровавого генерала Корнилова, в дворянском собрании произнес речь в его поддержку, встречал его на вокзале - ксати, вместе с Г. Лопатиным, переводчиком "Капитала" Маркса, В. Засулич, В. Фиснер, Н. Морозовым и П. Аксельродом. Эти люди духовно обслуживали предреволюционную эпоху, а в новую, послереволюционную вписаться не смогли - в этом была их трагедия, но полностью отказать им в

социалистических воззрениях на этом основании, наверное, нельзя.

КОРР. Мне приходилось слышать мнение, что революция 1917 г. во многом негативно отразилась на нашей культуре. Этот вывод делают на том основании, что было уничтожено дворянство - один из носителей культуры; многие деятели литературы и искусства бежали из страны...

НИКОЛАЕВ. Революция, по выражению Маркса, всегда трагедия народа. Интеллигенция по-разному приняла революцию, сотни тысяч уехали за границу, многие вступили в белую армию. Но как же могла беспартийная интеллигенция разобраться в том, что происходило, когда, как мы теперь знаем, и в Политбюро шла острая борьба мнений?

Должен заметить, что даже многие офицеры белой армии были по-своему патриотами, преданными России. Как рассказывал писатель Вс. Иванов, кстати говоря, служивший у Колчака, в 1941 г. кое-кто из колчаковских офицеров отправился к консулу в Харбине - проситься на фронт, чтобы воевать против фашистов. А когда им не разрешили, они выслали в Москву деньги на оборону. И митрополит Мелетий, глава церкви в Харбине, собрал с прихожан деньги и тоже отправил Сталину на строительство самолетов.

КОРР. Многие деятели культуры уехали из страны, опасаясь репрессий. Можно ли сказать, что, спасая себя, они спасали искусство?

НИКОЛАЕВ. Вообще говоря, примеров благотворного воздействия эмиграции немного: большинство из тех, кто уехал, лучшие свои вещи все же написали на родине, хотя порой сама ностальгия становилась источником вдохновения, как это было, например, у Ходасевича.

Теперь, когда мы знаем, кем был Сталин, у меня такое чувство, что многие из тех, кто уехал, - Бунин, Цветаева, Куприн, Гиппиус, Мережковский - не были бы тронуты, если бы остались в стране. Сталин преследовал только революционеров и среди писателей только тех, кто резко не соответствовал привычным представлениям.

Те же рапповцы и вульгарные социологи в большинстве своем были казнены или отправлены в лагерь. Переверзев, отец вульгарной социологии, провел в заключении и ссылке около 20 лет, последователи Плеханова, в том числе философ Деборин, погибли или пострадали, и многие рапповцы погибли, из них общественное положение сохранили только Фадеев и Ермилов. Формалистов ругали, но внешне судьба, например, Шкловского была куда счастливее.

Дело в том, что рапповцы и вульгарные социологи пытались анализировать, объяснять, что происходит, задавать вопросы - и этим были опасны. Искусству в то время предписывалось быть натуралистическим, констатирующим. Аналитическое искусство и та наука, которая призывала к поиску генезиса и каузальности (причинности), напротив, преследовались.

Были также опасны романтики (а ведь символизм, имажинизм, акмеизм, футуризм - течения неоромантические), утверждавшие самоценность личности каждого человека в ту пору, когда возникал культ. И те, кто экспериментировал со словом, как Даниил Хармс, тоже были опасны, поскольку пытались опрокинуть установленные нормы и, значит, были в каком-то смысле революционерами.

Тех же, кто писал в традиционной манере, не трогали; больше того, они Сталину были нужны.

В крестьянской стране, где собственническая идеология имела социальную основу, при неблагоприятных условиях оказался во главе человек, который сделал собственность культом своего бытия. Его собственностью было все - вся страна. И отношение его к писателям порой было проявлением

этого чувства собственности. Характерна его фраза: "Шолохов у меня один".

Сталин считал писателей чуть ли не придворными. И. Эренбург в мемуарах рассказывал, как в 1943 г. из Ленинграда привезли французское вино и в Кремль были вызваны на дегустацию А. Толстой и Эренбург. Они вино попробовали, сказали, что прокисло, и вино было вылито. Оказывается, это французское вино во время ленинградской блокады хранили для Сталина и его "двора"!

КОРР. Мы, привыкшие к черно-белому, без оттенков и полутонов, взгляду на жизнь, до сих пор не можем смириться с мыслью, что писатели, ставшие классиками при жизни, - Горький, Фадеев и другие - фигуры противоречивые. Но ведь те, кто входил в круг, так сказать, придворных литераторов Сталина, не могли сохранить белые одежды...

НИКОЛАЕВ. Те, кого вы назвали, - фигуры очень крупные, но трагические. Горький 30 лет своей жизни служил эпохе подготовки революции, он был человеком той эпохи, а новую, послереволюционную, ему было трудно понять и тем более - духовно обслужить, как он обслужил предшествовавшую эпоху. Не приняв революцию в той форме, в которой она произошла, он уехал в эмиграцию - не надо нам лукавить, он в 1921 г. уехал не только легкие лечить, он эмигрировал, жил в Берлине, а уже потом переехал в Италию.

Признав впоследствии справедливость того, что произошло, Горький в конце 20-х годов приехал в Советский Союз сначала на время, а потом окончательно, поверив в социалистическое строительство и в железную волю Сталина. И это Горькому принадлежит фраза - "если враг не сдается, его уничтожают" (речь, естественно, о враге внутреннем).

И. Кант говорит, что в художнике есть житейское и божеское начало. В житейском начале - в своих поступках и суждениях - он бывает противоположен себе как творцу. И в 30-е годы многие - но отнюдь не все - прекрасные художники вели себя, с нашей точки зрения, недостойно, одобряя репрессии.

Но в своем творчестве - в "божеском начале", по Канту - они были истинными, правдивыми художниками.

Сегодня мы задаемся вопросом - зачем Горькому надо было участвовать в редактировании сборника очерков по Беломорканалу, в котором речь шла о том, как хорошо Советская власть перевоспитывает уголовников, - а на Беломорканале работали невинные люди, крестьяне, и, уверен, Горький не мог в конце концов это не почувствовать, так же как и многое другое - странных обстоятельств смерти Кирова, например, или же не менее странных явлений в Союзе писателей (вот строки из письма Горького Накорякову, написанного в 1936 г.: "Я не вижу, чтоб съезд писателей оживил нашу литературу... писателям строят дачи, они капризничают, требуя, чтоб дачи строились по их проектам"). Отсюда весь драматизм положения Горького; и умер он, возможно, не своей смертью.

Драматически сложилась и судьба Фадеева, которого ломали, которого заставили писать вторую редакцию "Молодой гвардии" и ввести в роман "образы большевиков", направляющих молодогвардейцев, хотя первая редакция была глубже и правдивее. Затем последовала неудача с романом "Черная металлургия", который оказался фальшивым по самой своей идее; этой неудачи Фадеев не вынес.

Трагической фигурой был и О. Мандельштам, но не только в том смысле, что он был сослан и в Сучане сошел с ума, но и в том, что, написав стихи против Сталина, он вместе с тем написал и оду Сталину. Это было отражением противоречий в сознании, а не тактическим ходом ради того, чтобы спасти себя: Мандельштам искренне верил, что в Сталине есть два начала - демоническое и светлое.

КОРР. Не толкуем ли мы слишком расширительно ленинскую статью "Партийная организация и

партийная литература", подчас расценивая ее как призыв политизировать литературу?

НИКОЛАЕВ. Думаю, что да, хотя предпосылки для этого в самой статье есть. В то же время Ленин, утверждавший, что литература должна быть партийной, при этом полагал, что искусство способно идти дальше замысла и в нем может появиться то, что в замысле заложено не было, - и озлобленный белогвардеец Аверченко может создать нечто такое, что правдиво отразит жизнь. Иными словами, Ленин признавал специфику искусства и, главное, относился к искусству уважительно. Он отмечал, что нам нужно влияние партии на литературу, но и столь же мощное воздействие литературы на партию.

На каждой ступени развития ленинская статья "Партийная организация и партийная литература" оценивалась по-разному. Сначала ее толковали расширительно, а после войны, полагая, не без ведома Сталина и, во всяком случае, Маленкова, в журнале "Октябрь" была опубликована статья молодого философа, в которой была заложена идея снижения значения ленинского теоретического наследия, в том числе этой статьи. Но потом спохватились. "Правда" и другие газеты выступили против автора - видимо, было решено, что еще не пришло время, чтобы попытаться "пересмотреть" Ленина.

Возвращаясь к Ленину, напомним, что, не принимая футуризм, Ленин тем не менее не предлагал его запретить, как будут потом запрещать и арестовывать книги. О его отношении к литераторам свидетельствует такой эпизод (о нем можно узнать, ознакомившись с архивом Бонч-Бруевича в отделе рукописей Ленинской библиотеки). Горький позвонил Ленину и попросил спасти от расстрела известного русского писателя Ивана Вольнова. Ленин потребовал освободить Вольнова, и его привезли в Москву, но освободили не сразу. Ленин настойчиво требовал у Дзержинского доставить Вольнова в свой кабинет и посоветовал писателю уехать подальше от Москвы. И Вольнов уехал в Сибирь и скрывался там 10 лет, до самой своей смерти.

КОРР. Сейчас мы пытаемся восстановить справедливость в отношении нашей истории и исторических деятелей. Но история литературы тоже искажена, и брешей в ней не меньше, как это видно из ваших слов...

НИКОЛАЕВ. Вообще говоря, в мировой литературе "белых пятен" никогда не было. Прекрасные многотомники Гумилева, Ходасевича, Мандельштама, Пастернака давно изданы, правда, за рубежом. А пробелы в наших познаниях - это результат нашего субъективного вмешательства в культуру. Для человечества, в конце концов, не важно, где был напечатан "Доктор Живаго", но то, что не у нас, нас же характеризует. Мы обидели себя, свою культуру.

Сейчас исправляем эти ошибки "селекции" культуры; процесс этот идет нормальным, естественным путем.

В журнале "Новый мир", членом редколлегии которого я являюсь, опубликован "Доктор Живаго" Б. Пастернака, мы восстановили в правах И. Бродского, очень талантливого поэта. Справедливым актом я считаю возвращение А. Галича, хотя лучшие его произведения еще не опубликованы.